

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Институт философии Российской Академии наук

**Э. В. ИЛЬЕНКОВ:
ЛИЧНОСТЬ
И ТВОРЧЕСТВО**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 87.631.12
И 45

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-03-16138

Ответственный редактор – доктор философских наук
член-корреспондент Российской Академии наук
академик Российской Академии образования
В. А. Лекторский

И 45

Э. В. Ильенков: личность и творчество / Редактор-составитель И. П. Фарман. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 272 с., ил.

ISBN 5-7859-0075-0

В книге рассматриваются идеи выдающегося отечественного философа Эвальда Васильевича Ильенкова, посвященные прежде всего проблемам личности, самосознания, воображения и фантазии. Авторы книги показывают, что значение этих идей выходит за пределы того времени, когда они были сформулированы, и условные пределы того контекста, в котором они возникли. Особое внимание уделено современному значению этих идей для психологии, психиатрии, педагогики и других наук о человеке. Анализ идей Э. Ильенкова переходит в исследование современных методологических проблем наук о человеке. Показано, в частности, что проблематика воображения и фантазии является одной из самых актуальных теоретико-познавательных и методологических проблем. Вместе с тем анализ дается в широком историко-философском контексте. Идеи Э. В. Ильенкова сопоставляются с произведениями и идеями философской классики: Спиноза, Фихте, Гегель, Маркс. Статьи написаны известными философами, психологами, педагогами. Некоторые работы Э. Ильенкова, в частности его сочинение о Б. Спинозе, публикуются впервые.

ББК 87.631.12

The authors analyse the ideas of the eminent Russian philosopher Evald Vasilievich Ilyenkov about the problems of personality, self-consciousness, imagination and phantasy. They try to show that their significance is not limited to that time when they were formulated and that context in which they arose. Special attention has been drawn to the contemporary role of these ideas for psychology, psychiatry, pedagogy and other human sciences. The analysis of Ilyenkov's ideas is connected with the study of the contemporary methodological problems of human sciences. It has been shown in particular that the problems of imagination and phantasy are very urgent now in epistemology and methodology of sciences. The analysis has been fulfilled in a broad historici-philosophical context. Ilyenkov's ideas have been compared with the ideas of such philosophical classics as Spinoza, Fichte, Hegel, Marx. The articles have been written by famous philosophers, psychologists, pedagogists. Some texts by E. Ilyenkov, in particular his manuscript on B. Spinoza, have been published for the first time.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0075-0

9 785785 900752 >

- © И. П. Фарман. Составление, 1999
- © А. Г. Новохатко. Публикация текстов и комментарии, 1999
- © Авторы, 1999
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Лекторский</i> Об Эвальде Васильевиче Ильенкове	7
---	---

Раздел I

Э. В. Ильенков: личность и идеи

<i>В. В. Давыдов</i> Достижения Э. В. Ильенкова в материалистической диалектике и теоретической психологии	15
<i>Ф. Т. Михайлов</i> Фантазия — главная сила души человека. Introductio и пять вариаций rondo capriccioso на темы Э. В. Ильенкова	28
<i>А. А. Новиков</i> Проблема идеального: традиции и новации	74
<i>Г. Д. Левин</i> Теория конкретно-всеобщего	87
<i>Е. Л. Черткова</i> Об идолах и идеалах	99
<i>И. П. Фарман</i> Мир культуры и воображение	108
<i>А. Г. Новохатько</i> Историзм самосознания как проблема творчества (историко-философский контекст)	127
<i>В. Т. Кудрявцев</i> Природа и генез воображения. (Опыт логико-психологического анализа проблемы в духе идей Э. В. Ильенкова)	154
<i>А. В. Суворов</i> Экспериментальная философия (Э. В. Ильенков и А. И. Мещеряков)	172

Раздел II

Неопубликованные работы Э. В. Ильенкова

<i>А. Г. Новохатько</i> . Предисловие к публикации	199
Спиноза (материалы к книге):	
Спиноза и философия	201
Чудеса Господни и чудеса повседневности	228
О роли противоречия в познании	245
Письмо Ю. А. Жданову	258
Приложение	263

CONTENT

<i>V. A. Lektorsky</i> On Evald Vasilievich Ilyenkov	7
---	---

Part I

E. V. Ilyenkov: personality and ideas

<i>V. V. Davydov</i> Achievements of E. V. Ilyenkov in materialist dialectics and theoretical psychology	15
<i>F. T. Mikhailov</i> Phantasy as the main power of human soul Introductio and five variations rondo capriccioso on the themes of E. V. Ilyenkov	28
<i>A. A. Novikov</i> The Problem of the Ideal: traditions and innovations	74
<i>G. D. Levin</i> The theory of the concrete universal	87
<i>E. L. Chertkova</i> On idols and ideals	99
<i>I. P. Farman</i> The world of culture and imagination	108
<i>A. G. Novokhatko</i> The historicity of self-consciousness as a problem of creativity (in the context of the history of philosophy)	127
<i>V. T. Kudryavtsev</i> The nature and the genesis of imagination (an attempt of logico-psychological analysis of the problem in terms of E. V. Ilyenkov)	154
<i>A. V. Suvorov</i> An experimental philosophy (E. V. Ilyenkov and A. I. Mescheryakov)	172

Part II

Unpublished works of E. V. Ilyenkov

<i>A. G. Novokhatko</i> . Preface to the publication	199
Spinoza (materials for a book): Spinoza and philosophy	201
Miracles: holy and everyday ones	228
On the role of contradiction in cognition	245
Letter to Ju. A. Zhdanov	258

Supplement	263
-------------------------	-----

ОБ ЭВАЛЬДЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ИЛЬЕНКОВЕ

Эвальд Васильевич Ильенков (1924—1979) сыграл исключительную роль в развитии того философского движения, которое началось в СССР во второй половине 50-х годов. Значительная часть наших выдающихся философов последующего времени (В. С. Библер, Г. С. Батищев, Ф. Т. Михайлов, В. М. Межуев, М. К. Петров и др.) были либо его непосредственными учениками, либо испытали серьезнейшее влияние его идей, которое не прекращалось и тогда, когда они разрабатывали собственные концепции и по каким-то вопросам вступали с ним в полемику. Как сказал один из них: «Все мы вышли из ильенковской шинели». Это высказывание верно, но нуждается в дополнении. Ибо, если говорить о развитии наиболее интересных идей в нашей философии того времени в более широком плане, то нужно признать, что не один, а два человека определили движение философской мысли 50—70-х годов в нашей стране. Вторым был Александр Александрович Зиновьев. Среди его учеников были такие известные люди (некоторые из них впоследствии основали собственные школы), как Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили, Б. А. Грушин и др.

Это очень важно правильно представлять. Дело не в том, что Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев были просто родоначальниками каких-то интересных школ в советской философии того времени. Я считаю, что их идеи и их программы означали принципиальный рубеж, новую точку отсчета в развитии нашей философии того времени. Так же, как мы делим немецкую философию на докантовскую и послекантовскую, а русскую литературу на допушкинскую и догоголевскую и послепушкинскую и послегоголевскую, так же мы можем делить советскую философию послевоенного времени на доильенковскую и дозиновьевскую и послеильенковскую и послезиновьевскую. В послекантовской философии были великие мыслители, которые выступали с критикой Канта, пытались преодолеть его (Шеллинг, Гегель). В русской литературе после Пушкина и Гоголя были такие разные писатели, как, например, Тургенев и Достоевский. Но все они стали возможны только в той принципиально новой ситуации, которая в немецкой философии была создана Кантом, а в русской литературе Пушкиным и Гоголем. Работы Ильенкова и Зиновьева означали создание совершенно новой ситуации в нашей философии, задание новой проблематики, новых способов работы в философии. Это было как бы открытием нового мира. И те, кто работал в нашей философии после них, сколь далеко бы не расходились их идеи и сколь сильно бы они не отходили в некоторых пунктах от идей своих философских учителей, были бы невозможны без Ильенкова и Зиновьева.

Знаменателен тот факт, что как Э. В. Ильенков, так и А. А. Зиновьев начинали разработку своих философских идей с методологической интерпретации «Капитала» К. Маркса. В противоположность официально принятой догматической интерпретации философии марксизма-ленинизма, которая исходила из идей четвертой главы сталинского «Краткого курса» и была, в сущности, ничем иным, как идеологической санкцией той социальной системы, которая существовала в это время в нашем отечестве, Ильенковым и Зиновьевым, а затем и их учениками и последователями была предпринята попытка возвращения к «аутентичному» Марксу. При этом речь шла не просто о философском истолковании политико-экономических идей, а о введении в философский оборот такой проблематики, которая, по сути дела, взрывала здание официального «диамата и истмата». Конечно, все это было воспринято философским руководством того времени как ересь. Соответствующие выводы официальных инстанций не замедлили последовать.

Интерес к логико-методологической проблематике, к теории научного знания (уже к середине 50-х годов Э. В. Ильенков приходит к выводу о том, что философия и есть не что иное, как теория познания, точнее, теория научного познания) был не случайным. Наука представлялась в то время многим из нас в качестве той именно силы (может быть, даже единственной), на которую можно опираться в борьбе с омертвевшей социальной системой, давившей всякое творческое движение, особенно движение в области мысли. Идея об освобождающем значении научного знания, особенно знания в области социальных и гуманитарных наук, была общепринятой среди молодых философов, ставших адептами Э. В. Ильенкова и А. А. Зиновьева. Но с самого начала в философско-методологической интерпретации «Капитала» (а поэтому и в понимании характера и задач философии) между Э. В. Ильенковым и А. А. Зиновьевым обнаружилось существенные расхождения.

Э. В. Ильенков понимал науку и научность в духе высокого классического рационализма, прежде всего в духе немецкой философской классики (Кант, Фихте, Гегель). С этой философской традицией он связывал и методологические уроки «Капитала». При таком понимании проблематика научного познания и знания оказывается не противопоставленной гуманистическим проблемам, а непосредственно с ними связанной. Поэтому не случайно философское развитие Э. В. Ильенкова вело его к таким вопросам, как природа идеального, личности, творчества, деятельности, воображения, фантазии, как проблематика ранних философских работ К. Маркса. Не случаен его интерес к вопросам психологии, педагогики, этики и эстетики. Среди его учеников и сподвижников немало выдающихся деятелей в этих областях (назову только В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. И. Мещерякова). От А. А. Зиновьева шла другая интерпретация философской методологии. Упор здесь делался на выявление некоторых способов познавательной деятельности

(«приемов») и их увязанности в определенные структуры. Впоследствии ряд представителей этой школы ушел в область математической логики (в частности, сам А. А. Зиновьев), другие стали заниматься системно-структурными исследованиями (предвосхитив некоторые идеи французского структурализма), третьи (Г. П. Щедровицкий и его школа) — системно-деятельностной методологией, четвертые, описав сложный путь развития, отошли от исходной сциентистской установки и ассимилировали идеи феноменологии и экзистенциализма (М. К. Мамардашвили). Между этими двумя линиями в философском движении 50—70-х годов в нашей стране существовали непростые отношения. С одной стороны, всех представителей движения объединяло неприятие официальной идеологии и официального истолкования марксизма. С другой стороны, полемика между ними была довольно острой. Вместе с тем, как мне сегодня представляется, имело место и взаимное обогащение (не осознававшееся в то время большинством из них).

Я был одним из учеников Эвальда Васильевича. Уже в 1953 г. он начал вести на философском факультете МГУ спецсеминар, посвященный изучению логики «Капитала» (я был старостой этого семинара). В 1954 г. молодые преподаватели факультета Э. В. Ильенков и В. И. Коровиков написали тезисы о предмете философии. В них они доказывали, что теперь, когда философия уже не может играть роль натурфилософии и решать конкретные научные проблемы за специальные науки, ей остается только быть теорией научного знания, т. е. решать вопросы о характере и природе научности, изучая реальный процесс развития научного знания. «Капитал» и понимался в качестве такого конкретного образца научного знания, методологический анализ которого может дать немало интересных философских уроков. В контексте нашей философии середины 50-х годов, когда еще были живы воспоминания о том, как философы совсем недавно поучали биологов и физиков, тезисы Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова были восприняты философской молодежью поистине в качестве откровения, путеводителя в чудесную страну, в которой философы решают интереснейшие проблемы, важные не только для них самих, но и представителей частных наук, для культуры в целом. Представителями философской ортодоксии (т. е. тогдашним философским руководством) эти тезисы были восприняты в качестве величайшей крамолы. На философском факультете МГУ было устроено обсуждение этих тезисов (я, тогда студент 4-го курса, конечно же, выступил в защиту позиции любимых преподавателей), авторов заклеймили как отступников от марксизма, вскоре выгнали с факультета, запретив, по сути дела, заниматься преподаванием, а тех студентов (вроде меня), которые были заражены глетворными идеями, тоже ожидали большие неприятности.

С тех пор я в течение всей жизни был связан с Эвальдом Васильевичем. В 1955 г. я поступил в аспирантуру Института философии АН СССР,

в сектор диалектического материализма, где тогда работал Э. В. Ильенков, потом остался работать в Институте, а в последние годы жизни Эвальда Васильевича был заведующим этого сектора (он стал называться к этому времени сектором теории познания). Я многое мог бы рассказать об этом человеке, встреча с которым стала для меня, как и для многих философов нашего поколения, поворотом в судьбе. Я хочу, однако, сказать несколько слов об идеях Э. В. Ильенкова.

Дело в том, что сегодня мы воспринимаем эти идеи уже в ином контексте, чем тот, который существовал 40 лет тому назад. Многое изменилось и в нашей жизни, и в нашем понимании философии. И вот теперь-то особенно явственным становится смысл идей Э. В. Ильенкова в «большом времени», как сказал бы М. М. Бахтин. Сейчас для меня ясно, что вся та методологическая проблематика, с которой начинал Эвальд Васильевич и которой он так увлек философскую молодежь, а главное, предлагавшиеся им решения были, по существу, предвосхищением той проблематики, которой западные специалисты по логике и методологии науки стали заниматься полтора десятка лет спустя (интересно было бы сравнить ильенковское толкование диалектики абстрактного и конкретного со знаменитым лакатосовским методом научных исследовательских программ, а его критику философского эмпиризма с тем, что позднее стало обсуждаться как проблема теоретической нагруженности эмпирического факта). Особенно интересно, что та проблематика, которая сегодня кажется чем-то вполне привычным, тогда воспринималась большинством наших философов (и, кстати сказать, и большинством западных) как что-то совершенно еретическое. Примерно то же произошло со сделавшей целую эпоху в нашем философском развитии статьей Э. В. Ильенкова о природе идеального. Первоначально она была опубликована в одном из томов «Философской энциклопедии». Ильенковское решение проблемы, которое, по сути дела, было удивительно изящной попыткой решения старого спора психологистов и анти-психологистов, было сразу же встречено в штыки огромным большинством нашей философской публики. На автора оригинальной концепции идеального сразу же посыпались обвинения во всех смертных грехах: в объективном идеализме (Как же! Ведь Эвальд Васильевич считает, что идеальное может существовать вне индивидуального сознания!), в отходе от истин марксизма-ленинизма и т. д. Принятый в нашей философии того времени наивный психологизм не мог переварить необычные идеи философа, хотя эти идеи продолжали славную философскую традицию. Сейчас, когда мы прочитали Поппера, а некоторые даже ознакомились с поздним Витгенштейном, мысль о том, что содержание идей не обязательно искать в недрах индивидуального сознания или под черепной коробкой, уже не воспринимается как что-то кощунственное.

Я хочу обратить особое внимание на то, что та проблематика, которой Э. В. Ильенков занимался в последние годы жизни и которая вра-

щалась вокруг вопроса о продуктивной силе воображения, о творческой фантазии (эти вопросы анализировал еще Кант), сегодня приобретает исключительное значение в связи с развитием современных наук о человеке: психологии, педагогики, социологии. Ильенковские идеи в новом контексте приобретают новый смысл, обнаруживают новые грани и удивительную эвристичность. В данной книге большинство статей как раз и посвящены этой тематике. Мы хотим не только отдать дань памяти человеку, который столько сделал для отечественной философии, который жил, мыслил и боролся в исключительно трудной ситуации. Мы хотим продемонстрировать современную жизнь идей нашего выдающегося мыслителя, выявить те новые, иногда неожиданные контексты, в которые вступают эти идеи сегодня. А его мысли и в самом деле обретают новую жизнь, при этом не только в нашей стране. Один из самых интересных современных американских философов А. Макинтайр написал недавно, что чтение Ильенкова дает ему исключительно много даже тогда, когда он с ним не соглашается.

Ильенков вошел в классику отечественной философии. Для меня это неоспоримый факт.

В. А. Лекторский

РАЗДЕЛ I

Э. В. ИЛЬЕНКОВ: ЛИЧНОСТЬ И ИДЕИ

В. В. Давыдов

ДОСТИЖЕНИЯ Э. В. ИЛЬЕНКОВА В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Эвальд Васильевич Ильенков очень многое сделал в таких дисциплинах, как диалектическая логика, история философии, эстетика, а также в области теоретической психологии, фундаментальные проблемы которой он стремился решать, используя средства философии.

Он хорошо ориентировался во многих трудностях психологической науки, придерживаясь при этом таких способов их преодоления, которые связаны с возможностями теории деятельности и культурно-исторической теории психического развития человека. Он лично хорошо был знаком с С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, А. И. Мещеряковым, П. Я. Гальпериным, Д. Б. Элькониным и другими крупными психологами, знал их труды, обсуждал с ними сложные философско-психологические вопросы. Он был участником многих совещаний и семинаров, связанных с идеями научной школы Л. С. Выготского, неоднократно посещал заседания нашей лаборатории Института общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологического института Российской Академии образования), которая в 60—70-х годах разрабатывала проблемы развивающего обучения и учебной деятельности.

Э. В. Ильенков много внимания уделял теоретическим вопросам педагогики и педагогической психологии. Так, он разрабатывал философско-педагогико-психологические вопросы системы обучения и воспитания слепоглухих детей, созданной И. А. Соколянским и А. И. Мещеряковым. Он показал, что анализ этих вопросов обостряет общие проблемы связи обучения с психическим развитием ребенка и способствует их решению. Он опубликовал ряд работ, посвященных воспитанию ума школьников¹. Важно также то, что он дал диалектико-материалистическое обоснование основных положений культурно-исторической теории Л. С. Выготского.

Особенно большой вклад Э. В. Ильенков внес в разработку проблем материалистической диалектики. Его перу принадлежит замечательная книга «Диалектическая логика», имеющая два издания (1974 и 1984). Если сейчас говорить о том, что в советской философии было

¹ См.: Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить // Народное образование. 1964. № 6 (приложение); Он же: Психика и мозг // Вопросы философии. 1968. № 11; Он же: Психика под «лупой» времени // Природа. 1979. № 1; Он же: Учитесь мыслить смолоду. М., 1977.

сделано наиболее ценного и что полностью сохраняет свое значение не только в теории, но и для многих сфер социальной практики и особенно для практики образования и культуры, то можно сослаться именно на эту книгу. Э. В. Ильенков был одним из тонких знатоков Гегеля и вместе с тем последовательным марксистом. Он считал, что К. Маркс как философ достиг больших результатов, опираясь на гегелевскую диалектику.

Э. В. Ильенков вслед за К. Марксом полагал, что основные положения гегелевской идеалистической диалектики необходимо перевести на «материалистический язык», развивая при этом главнейшие направления диалектической логики. Суть идеализма Гегеля, согласно Э. В. Ильенкову, состоит в том, что он «обожеествлял» описываемые им диалектические формы и законы человеческого мышления, выявленные в истории науки, техники и нравственности. Не обладая возможностями объяснения «земного происхождения» этих диалектических форм и законов, Гегель их обожеествлял. Обожеествление мышления — это приписывание ему функций подлинного творца человеческой цивилизации (такое приписывание возникает из иллюзии, будто человечество сначала совершает мыслительные акты, а затем практически их реализует). Под «мышлением» при этом понимается действительный процесс производства знания как коллективного богатства человечества, противостоящего индивиду с его психикой в виде науки, техники и нравственности. В историческом развитии этого коллективного богатства можно обнаружить подлинные источники становления категорий диалектики.

Суть материалистической диалектики, согласно Э. В. Ильенкову, состоит в том, чтобы раскрыть происхождение указанных форм и законов из развития реальной деятельности людей, из развития их «земных способностей» решать задачи этой деятельности, задачи техники и человеческой нравственности. Стремление ответить на вопросы о том, откуда эти формы и законы мышления взялись, почему и как они возникли, почему они именно таковые, а не иные, — это и означает стремление создавать материалистическую диалектику².

Известно, что Э. В. Ильенков широко использовал сочинения К. Маркса по политэкономии с целью разработки фундаментальных проблем материалистической диалектики. Среди этих проблем он специально выделял и глубоко разрабатывал проблемы субстанции, всеобщего, единства логического и исторического, противоречий в логике, диалектики абстрактного и конкретного, идеального и его связей с культурой³.

Одной из стержневых тем научного творчества Э. В. Ильенкова было исследование универсальности человека как субъекта, способного

² См.: Ильенков Э. В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 128—129 и др.

³ В этом отношении примечательна книга: Ильенков Э. В. *Конкретное и абстрактное в «Капитале» Маркса*. М., 1960.

не только к практически-духовному воспроизведению любой сферы объективной действительности, но прежде всего к созданию из вещества природы таких объектов, которые природе самой по себе не присущи — всех объектов цивилизации. Универсальность человека связана со всеобщими возможностями его деятельности как общественного существа.

Опираясь на труды Спинозы, Э. В. Ильенков обосновывал положение о том, что человек является универсальным «мыслящим телом», которое в своих действиях отражает формы множества любых других тел. Классический пример этой универсальности — движущаяся рука человека. «... Человеческая рука может совершать движения и по форме круга, и по форме квадрата, и по форме любой другой... фигуры, ... она заранее не предназначена к какому-либо одному из названных «действий» и именно потому способна совершить любое... человек — мыслящее тело — строит свое движение по форме любого другого тела»⁴. Но универсальная гибкость руки — это не пассивная аморфность глины, а проявление свободного формообразования на основе активного образа.

Так, воспроизводя круглую форму объекта, рука может перенести ее на песок, на лист бумаги, т. е. заново строить такой круг, которого в природе самого по себе нет. Универсальна не рука сама по себе, а рука, изобретающая с помощью головы специальное орудие (например, циркуль), задающее всеобщий способ построения круга. Построенный человеческой рукой «искусственный» круг, оставаясь чувственно-материальным предметом, является вместе с тем и абстрактным предметом, в котором в снятом виде представлено все многообразие реальных кругоподобных форм. В этом круге представлены не только все возможные круги, но и запечатляется их отношение к другим фигурам (в круг рука человека может вписать треугольник, квадрат и т. п.), т. е. выражается их универсальная связь. Иными словами, универсальность — это свойство мыслящего тела как субъекта орудийно опосредствуемого формообразования, которое согласуется с логикой универсальной связи вещей.

Универсальность — не прирожденная, а исторически формирующаяся в обществе и онтогенетически приобретаемая способность человека. С этой точки зрения проблема мыслящего тела приобретает особый смысл. Психика (или мышление) в этом случае «вначале никак структурно в мозгу (в теле вообще. — В. Д.) не заключена, а возникает постольку, поскольку тело функционирует по форме и расположению вещей, созданных человеком для человека, — формируется в согласии с опредмеченным в вещах разумом»⁵.

⁴ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Изд. 2-е. М., 1984. С. 38.

⁵ Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 114.